

В РЕПЕРТУАРЕ — БРАК

Каждый молодежный спектакль должен быть праздником, открытием для зрителей. Только тогда театр сможет полностью справиться с высокой миссией воспитания чувств, мыслей и вкуса — своей главной задачей.

Нынешней осенью в связи с празднованием 40-летия ВЛКСМ ответственность театров перед зрителем особенно возросла. Молодежь ждала спектаклей в честь славной годовщины, увлекательно и страстно рассказывающих о беспокойных сердцах молодых строителей, об их труде и чувствах. Как горячий отклик на запросы молодого зрителя расцениваешь постановку в Художественном театре эмоциональной, богатой мыслями пьесы Яна Лусиса о комсомольцах — «Так начинался день». Ян Лусис — не первый молодой автор, чье дарование замечил Художественный театр. Гунар Приеде, Петерис Петерсон нашли свое драматическое призвание в этом же ищущем, беспокойном коллективе.

Разумеется, новые оригинальные пьесы не растут как грибы после дождя. И не всегда удачи сопровождают театры в их поисках «своего» автора. Но искать надо, без этого нет творческого роста коллектива, нет успеха у зрителей. К сожалению, Русский драматический театр оказался самым инертным в создании «своего» оригинального репертуара.

Чем это объяснить? Может быть, повышенной требовательностью к качеству драматургического материала, нежеланием тратить время и силы на доработку пьес новичков? Тогда чем же объяснить появление на сцене театра

комедии А. Борщаговского «Медвежья шкура»? Драматургия пьесы чрезвычайно слаба, сюжет рыхлый, характеры статичны, в действии не раскрываются, конфликты надуманные, им не хватает жизненности.

Основная тема пьесы — не знающий преград, не боящийся трудностей энтузиазм молодежи в строительстве новой жизни. Тема современная и нужная и, тем более, непростительно, если решается она бледно, невыразительно.

В течение всего первого действия группа молодежи, борясь с различными ничтожными неполадками (не куплены вовремя билеты на пароход, нужно постоянно скрывать убежавшую из дома Полину), едет работать на Камчатку. На пароходе царят оживление и беспричинный смех, призванные свидетельствовать о кипучей энергии и быющем через край оптимизме. Второе действие выясняет, какое самоотверженное сердце у Полины и как она любит начинающего журналиста и неудачника Сашу. Это, разумеется, замечают все, кому не следует, за исключением самого Саши. Здесь же констатируется, что инженер Константин Трошин — мелкий эгоист, и учительнице Лене будет с ним несладко. Без серьезной необходимости действует на сцене счастливая пожилая чета Балашовых.

В третьем действии почти все герои комедии по известным причинам или беспричинно переселяются в другой конец Камчатки,

где вроде бы окончательно выясняется Сашина непригодность к журналистской работе, подлость Трошина (он все-таки бросил Лену!), окончательно окрепшая любовь Балашовых к Камчатке — они решают остаться здесь навсегда и т. д. и т. п.

В последнюю минуту, когда оставшийся к Камчатке из-за своих неудач Саша Макаров готов бежать на Большую землю, его настигает Поля с газетой, в которой напечатан, наконец, его материал (оказывается, есть талант!). Саша прозрел глазами и сердцем: они с Полей тоже никогда не уедут отсюда.

Есть разрозненные, не всегда логически оправданные картинки из жизни, но нет самой жизни, нет глубокого конфликта, нет борьбы характеров. Не считать же конфликтом кратковременные неудачи Саши Макарова или незамеченную любовь Поли!

Перед нами типичный рецидив теории бесконфликтности. И никакому театру не под силу сделать из подобного драматургического материала настоящий спектакль: можно ли без стройматериалов построить дом? Попытки режиссера В. Балюны и ее ассистента Я. Ятковского «вытянуть» спектакль, сделать его динамичным, музыкальным, живым — не спасли положения. Бесконфликтность особенно резко выступает в финале спектакля, где в едином ансамбле выступают все занятые в спектакле актеры — исполнители ролей

положительных — Макарова, Поли, Балашовых, и отрицательных — Трошина и его жены — откровенной мещанки Ларисы Груздевой. Дружно поют они под занавес энергичную молодежную песню. И это, пожалуй, символично: автору так и не удалось «столкнуть лбами» настоящих людей и мещан, противопоставить первых вторым, показать зрителям неизбежное поражение индивидуализма и пошлости в трудовом советском коллективе.

Почему же все-таки театр выбрал «Медвежью шкуру»? Возможно, сошлется на нехватку хороших современных молодежных пьес, на то, что эту комедию ставят и другие театры страны? Но это не убедительная ссылка. В последние годы написаны такие пронизанные подлинным революционным пафосом пьесы, как «Товарищи романтики» Соболя, «Обоз третьего разряда» Давурина, «Хлеб и розы» Салынского. К тому же давно просятся на наши сцены созданные еще в прежние годы пьесы советских драматургов, выдержавшие проверку временем и сохранившие эпохальное звучание, большое воспитательное и эстетическое значение. Нашим театрам следовало бы перенять опыт московских, поставивших в последнее время пьесы Арбузова «Дальняя дорога» и «Горы на заре», а также пьесы В. Киршона, М. Светлова и других.

А появление «Медвежьей шкуры» А. Борщаговского в репертуаре Театра русской драмы нельзя расценивать иначе, как появление брака. Руководство театра впредь должно составлять репертуар более взыскательно.

М. АУГСТКАЛНА

Советская Молодежь

г. Рига

7 9 10 1958